

MODERN PROSE

ЛЕОНИД БАХНОВ

ВНУКИ АРБАТА

Москва
ФЛОБЕРИУМ, РУГРАМ
2025

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Б30

Иллюстрации на обложке и в блоке — Полины Спаркс

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберium»

Миссия «Флобериума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Бахнов, Л.
Б30 Внуки Арбата/ Л. Бахнов. — М.: Флоберium / RUGRAM,
2025. — 358 с. — (Modern Prose).

ISBN 978-5-517-13414-1

«Листает жизнь свою писатель Леонид Бахнов, как в окнах пригородной электрички она проносится... Кто и что там мелькает? Запечатлеть, вспомнить исчезающие черты друзей и любимых... Явившись на свет еще при Сталине, он стал свидетелем слома четырех эпох и вспоминает о них уже из пятой, в которой живем все мы — и стар и млад, будущие читатели этой книги. Автор, конечно, порядком повзрослел со времени его уфимского детства и московской юности в знаменитом писательском доме на «Аэропорте». Но главными остаются две вещи: попытка увидеть прошлое детскими, не умудренными взрослым опытом глазами. И постараться не перепутать того прежнего с собой нынешним. Отсюда и тонкий юмор, и джазовые синкопы его прозы, ее неповторимый ритм, и голос автора, который не спутаешь ни с каким другим». Марина Москвина

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13414-1

© Л. Бахнов, текст, 2025
© П. Спаркс, иллюстрации, 2025
© А. Кудрявцев, дизайн обложки, 2025
© «Флоберium», 2025
© RUGRAM, 2025

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.

Так писала Анна Ахматова.

Горькие, провидческие строки! Лично на моей памяти сменилось четыре эпохи. Были трагедии, были надежды, но... Права Анна Андреевна — одна за другой зарастали они буйными сорняками. Быстрее ли, медленнее шло «украшение», естественного происхождения была сорная трава, либо же ее специально высеивали... По-всякому случалось. И вот уже пятая эпоха...

Почему — «Внуки Арбата»? Именно такое название?

Мои папа и мама — писатель Владлен Бахнов и то ли кинодраматург, то ли домашняя хозяйка (в школьные годы, заполняя анкету, я писал то так, то эдак) Нелли Морозова — и даже я сам к Арбату не имели никакого отношения. Папа — из Харькова, мама — из Уфы (а если копнуть глубже, то из Таганрога или из Челябинска, где она родилась), я тоже родился в Уфе.

Но, как известно, история нашей страны прошлого века рисовалась по своим лекалам. Анатолий Наумович Рыбаков, автор знаменитой тетралогии, был действительно в прямом смысле «дитя Арбата». Детство провел на Арбате, учился в знаменитой арбатской школе. Как, кстати, и его герой, Саша Панкратов, и многие друзья этого героя.

А дальше?

А дальше — обычное существование людей в те времена: стремление «жить со всеми наравне и заодно с правопорядком», аресты, страх, лагеря, доносы, гражданские и военные карьеры, «смерть предателям!», война... Саше Панкратову еще повезло, его приговорили лишь к ссылке, почему ему и удалось так долго продержаться в живых, прячась по разным углам нашей необъятной.

И в этом плане судьбы «детей Арбата» мало чем отличались от судеб других людей того времени. Пусть не прямой «враг народа», приговоренный по 58-й статье, — так сын, жена, дочь. Как моя мать, дочь журналиста, приговоренного к 10 годам без права переписки (что на самом деле означало расстрел). Как моя бабушка, попавшая в ссылку как жена «врага народа».

Об этом мамина книга «Мое пристрастие к Диккенсу». Об этом и о том, как помогали самые близкие люди — семья, друзья. И книги, конечно.

Поэтому они все — «дети Арбата». Ну а мы, мое поколение, — «внуки». Нам не пришлось испытать на себе ужасов коллективизации, Большого террора, насильственного переселения народов. Да многие и не слышали о них, потому что и жертвы, и вершители, по большому счету, помалкивали. Да и родители не слыш-

ком торопились нас просветить в отношении прошлого страны. Войной хоть и пугали в педагогических целях, но по-настоящему ее не предвиделось. Сопротивлялись ли мы режиму? Ну... К Софье Власевне относились не без усмешки, могли, оглянувшись направо-налево, анекдотец рассказать. Вспоминая своих друзей школьной и студенческой поры: многих ли из них можно отнести к диссидентам?.. Так что с гражданской доблестью было не слишком.

Зато двоемыслие всходило как на дрожжах. Не требуя никакой подпитки. Как будто такими и родились.

Можно сказать, наша жизнь, «внуков», складывалась благополучней, чем «дедов». Впрочем, у кого как. Во всяком случае, жизнь автора этой книги складывалась благополучней, чем у многих других. Когда-то за это мне было, пожалуй, стыдно. А потом перестало. Потому что жизнь, как известно, такова, какова она есть. И больше никакова.

И еще. Нельзя в книге с таким названием не вспомнить Окуджаву. Но не «Ах, Арбат мой, Арбат» напеваешь в душе. Того Арбата уже нет. Да, памятник Булату. Дом-музей Окуджавы. И — бесконечные кафешки, рестораны, шашлычные, пельменные и даже вареничные. Праздник пищеварительного общения!.. Вот и напеваешь: «Ах, война, что ж ты сделала, подлая: стали тихими наши дворы, наши мальчики головы подняли — повзрослели они до поры, на пороге едва помаячили и ушли, за солдатом — солдат... До свидания, мальчики! Мальчики, постарайтесь вернуться назад».

Интересно все-таки, кто они, нынешние ходоки по Арбату? Внуки тех, кому подфартило «вернуться назад»? Правнуки?..

Так что закончим куплет и будем вспоминать.

Не скупясь на детали. Не стремясь к обобщениям.
Не задаваясь, но и не слишком-то комплексую.

Доброй внучатой памятью.

Благодарю мою дочь, Полину Спаркс (правнучку Арбата), взявшуюся сделать обложку и рисунки к этой книге.

Спасибо издательству, решившему познакомить с нею читателей, его сотрудникам и лично Ольге Аминовой.

Итак, в путь!

ДАВАЙ СОСЧИТАЕМ!

РАССКАЗ-ЭПИГРАФ

Моей бабушке, Вере Георгиевне Морозовой

ОН

Дырочки. Она говорит: «Давай сосчитаем!» И мы начинаем считать. Сначала я. Но после шести путаюсь. Их больше. Это я знаю. Но дальше забываю. «Семь», — говорит она. «Семь», — повторяю. «А дальше?» «Девять», — говорю тут же. Хотя, пока говорю, понимаю, что надо сказать другое. Но уже сказал. А она меня поправляет. И говорит, чтобы я повторил. Я повторяю: «Восемь». И она говорит: «Правильно».

Но я все равно не помню, как дальше говорить. Говорю: «Двенадцать». Потому что вспомнил, что на этом слове мы остановились в последний раз.

Это раньше так было. А сейчас я правильно посчитал — от одного до двенадцати. И ни разу не сбился. Я уже ее спрашивал: зачем они у нас на столе. Стол, я знаю, самодельный, сделан из досок, все доски без дырочек, а одна с дырочками. Но забыл, что она мне сказала. Потому что куница. Я никогда не видел куницу, только слышал, как она мне про нее читает из книги. А куница притаилась под деревом. И смотрела на

меня большими мохнатыми глазами. Я никогда не видел куницу и не знал, как себя с ней вести. А тут еще появились обезьяны с волками, и мне стало страшно. И я закричал. Но она меня не услышала и сказала, что пришел доктор.

Он и раньше приходил, старенький такой, с растрепанным лицом и бородкой, от него старым запахом пахло, как будто он из кладовки пришел. Попросил принести ему чайную ложечку и сказал, чтобы я раскрыл рот. Он уже так делал. И просил, чтобы я поднял голову, смотрел на потолок и говорил: «А-а-а». Потом открыл чемоданчик, достал такую круглую, вставил шланги в уши и стал слушать. Эта круглая была сначала холодная, а потом ничего. И говорил: «Вдохни», — потом: «Выдохни», — потом снова: «Вдохни». Много раз, пока у него шланг из уха не выпал. Тогда стал ей что-то говорить. И она что-то говорила.

Я слышал: «температура», «в больницу», «может заразиться» и еще какое-то слово про коня, его говорил сначала он, потом она. «Конь сильный». Хорошо, когда конь сильный. Но это неправильно так говорить, потому что надо сначала говорить «сильный», а потом «конь». А они говорят «конь», а потом «сильный».

Кони у нас по улице зимой ездят. С санями. А летом с повозками. Сильные кони. И трамвай ездит. Она говорит, что трамвай сильнее коня. И правильно: трамвай быстрее ездит. А на остановке остановился, и конь его обогнал. Вот!

Еще слово «скарлатина», я его уже слышал. Липкое такое. Как лента, на которую мух ловят. Они с доктором говорят, что скарлатина гуляет по городу. Гуляет-гуляет, а потом раз — и прилипла.